

К.Б. Жучков

ДЕЛО ГЕНЕРАЛА ЛУАЗОНА: К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ФРАНЦУЗСКОЙ АРМИИ В ДЕКАБРЕ 1812 г.

Разгром наполеоновских полчищ в России вызвал среди современников споры по поводу его причин. Еще не затихли сражения на полях Европы, когда французские мемуаристы выдвинули версию о гибели французской армии от русских морозов. Аргументы этой версии мало разнообразны и сводятся лишь к цитированию воспоминаний участников похода и первых его историков. Считается, будто утверждения "очевидцев" являются неоспоримым доказательством в решении этой и других проблем.

Одним из самых наглядных аргументов концепции природных факторов поражения Наполеона являются сообщения французских мемуаристов о гибели дивизии генерала Луазона. По этой версии, комплектная дивизия, двигаясь из Вильно навстречу отступавшим остаткам французской армии, прибыла 6 декабря в Ошмяны, где должна была задержать русское наступление, и в три дня перестала существовать от морозов. "Генерал Луазон привел из Кенигсберга десять тысяч человек, в большинстве рекрутов из Германии... Четыре дня спустя, не участвуя ни в одном сражении, они почти полностью исчезли от морозов и истощения" - одним из первых французов утверждал Бретон де ла Мартиньер [9, 79].

Это утверждение стало общим местом в начальной французской историографии [20, 365; 19, 317; 21, 105; 23, 251]. Самый популярный писатель о русском походе и "очевидец" событий, Сегюр заявлял: "Что касается Луазона с его дивизией и Виленского гарнизона, которые помогали нам со Сморгони, то за три дня холод уменьшил 15 тысяч человек до трех тысяч" [27, 427]. В описании похода сюжет с дивизией Луазона становится настолько само собой разумеющейся деталью, что в первой же научнообразной истории Шамбре уже использовал этот пример как стандартную иллюстрацию при описании бедствий французской армии от холодов. "Дивизия Луазона, которая составила арьергард в Ошмяне, и которая была в то время силой в 10 000 человек, потеряла 7 000 человек за три дня от обморожения" [15, 360]. Шамбре своим авторитетом освятил упомянутый им "факт" и окончательно утвердил его во француз-

кой историографии. Однако, чтобы выяснить достоверность сообщаемого нам "факта", необходимо проследить происхождение дивизии.

34-я дивизия была сформирована распоряжением Наполеона 22 июля 1812 года механическим объединением разнородных частей в составе XI корпуса Великой Армии [16, 91-92]. В ее составе Наполеон распорядился объединить: в первой бригаде - 4-е батальоны 3-го и 105-го линейных полков, 3-й и 4-й батальоны 29-го линейного полка, 3-й и 4-й батальоны 113-го линейного полка; во второй бригаде - 1-й и 2-й батальоны 4-го Вестфальского линейного полка; 1-й и 2-й батальоны Гессен-Дармштадтского легкого полка и три батальона 4-го полка Рейнской Конфедерации (маленьких саксонских княжеств), всего 13 батальонов, примерно 10 000 человек списочного состава. Командиром дивизии был назначен генерал Ж. Моран, бывший губернатором Шведской Померании, где и предполагалось дислоцировать дивизию. Дивизию планировалось укомплектовать восьмью орудиями гессенской артиллерии. Задачей дивизии определялась охрана побережья от английских набегов и шведской контрабанды.

По мере продвижения Великой Армии вглубь России и необходимости подкрепления ее частей, таявших на бескрайних русских просторах, Наполеон постепенно подтягивал еще свободные резервы к тылам Великой Армии. Так, летом в поддержку II-му корпусу Удино был переведен VI корпус Гувииона Сен-Сира. Осенью для обеспечения сообщений Великой Армии и поддержки ее фланговых войск был переведен в Смоленск IX корпус Виктора. В числе подобных мероприятий, последовательно вызывающих одно перемещение за другим, Наполеон 11 сентября 1812 года распорядился передвинуть 34-ю дивизию из Шведской Померании в Данциг, для обеспечения тыла Великой Армии [16, 214]. Тревожное положение на сообщениях французской армии, усиление русских войск против Полоцка, движение резервных войск из Финляндии и Молдавии, заставляя Наполеона, не дожидаясь сосредоточения 34-й дивизии в Данциге, 4-го октября изъять из ее состава 4-й Вестфальский линейный и Гессен-Дармштадтский легкий полки и, образовав из них 3-ю бригаду 28-й дивизии, отправить в Вильно [16, 243].

Одновременно с этим Наполеон взамен отзываемых войск 5-го октября 1812 года вводит в состав 34-й дивизии несколько частей "княжеской" дивизии и назначает ее командиром генерала Луазона, губернатора Королевской (Восточной) Пруссии [24, 56-57]. Решение Наполеона было вызвано отсутствием организованных резервов на территории Польши и Восточной Пруссии и являлось паллиативом в обстоятельствах, требовавших все больших сил для поддержки Великой Армии. И здесь необходимо заново проследить реорганизацию тыла французской армии, чтобы уяснить состояние, в котором оказалась 34-я дивизия в декабре 1812 года.

Еще в начале 1812 года, предпринимая усилия по подготовке войны с Россией, Наполеон, помимо имперских и союзных войск, распорядился призвать для усиления Великой Армии силы вассальных государств. С этой целью вооруженные силы мелких германских княжеств, входивших на третьестепенных ролях в Рейнскую Конфедерацию, и представлявшие собой разнородные контингенты, были распоряжением Наполеона сведены в одну дивизию, получившую название "княжеской".

9 февраля 1812 года Бертье от имени Наполеона приказал частям мелких княжеств поступить в распоряжение Даву, командующего 1-м наблюдательным корпусом [26, Т.4, 130]. С 16-го по 20-е февраля 1812 года в Гамбург выступили: 3-й полк Рейнской Конфедерации (Великого герцогства Франк-фуртского), 4-й полк Рейнской Конфедерации (маленьких саксонских княжеств), 5-й полк Рейнской Конфедерации (княжеств Ангальт и Липпе) и 6-й полк Рейнской Конфедерации (княжеств Рейс, Вальдек и Шварцбург). В Гамбурге эти полки поступают в распоряжение командующего 32-м военным округом генерала Карра Сен-Сира. 23 апреля указанные полки образуют "княжескую дивизию" в составе IX корпуса Великой Армии и поступают под командование губернатора Шведской Померании генерала Ж. Морана (бывшего губернатора Корсики) [26, Т.4, 135-136]. Полки дивизии располагаются на побережье Шведской Померании и 32-го имперского департамента, в Бремене, Штральзунде, Свинемюнде, Гронингене, Бартеле, на острове Рюген, а также в Штеттине и Данциге.

Главной задачей их была защита побережья от морских диверсий. 22 июля 1812 года части "княжеской" дивизии переданы в состав XI резервного корпуса Ожеро и получают последовательно приказы о переходе в Данциг, где с 18 июля 1812 года уже находился 5-й Рейнский полк (Ангальт-Липпе) [10, Т.1, 323].

Таким образом, 5 октября 1812 года в Данциге *должна была быть* образована 34-я дивизия в следующем составе: 1-я бригада - 3-й и 4-й батальоны 3-го линейного полка, 3-й и 4-й батальоны 105-го линейного полка; 1, 2, 3 и 4-й батальоны 29-го линейного полка; 2-я бригада - 3-й и 4-й батальоны 113-го линейного полка, 1, 2 и 3-й батальоны 4-го полка Рейнской Конфедерации (маленьких саксонских княжеств); 3-я бригада - два батальона 3-го полка Рейнской Конфедерации (Великого герцогства Франкфуртского), два батальона 5-го полка Рейнской Конфедерации (Ангальт-Липпе) и два батальона 6-го полка Рейнской Конфедерации (Рейс, Вальдек и Шварцбург) [11, 449]. Наполеон распорядился организовать заново, в Кенигсберге, артиллерию дивизии в составе двух пеших артиллерийских рот из 8 орудий каждая, лошадей для которых необходимо было приобрести на месте [22, 170-171]. То же относилось к саперной роте и походной амбулатории. Одновременно с 34-й дивизией Наполеон распорядился передвинуть в Варшаву 32-ю дивизию генерала Дюрютта. Этими мероприятиями, в числе прочих, Наполеон пытался обеспечить будущее расквартирование Великой Армии в предвидении необходимости зимовки между Неманом и Вислой перед новой кампанией 1813 года.

Однако Наполеон, будучи административным гением, переоценил административные возможности своих решений. В самом деле, на момент приказа Наполеона, части, объединенные на бумаге в одно целое, располагались на тысячекилометровом пространстве, обладали разным по количеству и качеству составом войск и не имели системообразующих элементов пехотного соединения, необходимых для его успешного функционирования на театре военных действий. Больше того, в сроки предписанные Наполеоном, не предвиделось никакой возможности достичь не только штатного состояния данного соединения, но и его оперативного сосредоточения в руках командования, что, собственно, и являлось бы признаком сформирования дивизии. Реальным сроком окончания формирования дивизии в условиях затянувшейся войны и острой нехватки любых средств, была весна 1813 года.

Но, как бы там ни было, приказы Наполеона не обсуждались. Части, разбросанные на необозримом пространстве Европы, от Пиренеев до Балтики, в середине октября начали передвижение в соответствии с распоряжениями Бертье.

В то же самое время, Г. Маре, вынужденный отправить свои последние резервы из Вильно в поддержку VI-му корпусу Вреде, находившемуся в Глубоком [29, 43], самовольно распорядился выдвинуть 34-ю дивизию из Кенигсберга в Ковно [13, 175]. Поскольку лишь два полка новой дивизии (3-й и 4-й полки Рейнской Конфедерации) находились в Тильзите, Маре приказал 6-го ноября 1812 года полковнику Мартини передвинуться с ними в Ковно, а затем и Вильно [13, 175-176]. А так как Луазон имел распоряжение отсылать части дивизии из Кенигсберга по мере их формирования, то сам он остался в Кенигсберге для организации артиллерии, транспорта и ожидавшихся к прибытию войск [13, 225, 229].

В момент получения приказа Маре от 6-го ноября 1812 года, остальные части дивизии, кроме указанных 3-го и 4-го полков Рейнской Конфедерации, располагались следующим образом: 3-и батальоны 3-го и 105-го линейных полков в Эрфурте [24, 58], 1-й и 2-й батальоны 29-го линейного полка в пути из Лиона, 6-й полк Рейнской Конфедерации в пути из Гронингена в Данциг, куда он прибыл 14 ноября. 5-й полк Рейнской Конфедерации в Кенигсберге нес караульную службу [там же]. Один батальон 113 линейного полка в пути из Тильзита в Ковно. Оставшиеся батальоны 3-го и 105-го линейных полков образовали депо во Страсбурге, 29-го линейного полка находились в Сьюдад-Родриго, также как и три роты 3-го полка Рейнской Конфедерации [18, 331]. Артиллерийская рота капитана Ноэля ожидала в Кенигсберге свое оборудование, отправленное водным путем из Данцига [22, 170].

В результате этого, с 11-го по 21-е ноября 1812 года, по отчету Маре [13, 177], в Вильно прибыл только первый эшелон 34-й дивизии в составе: двух батальонов 3-го полка Рейнской

Конфедерации, трех батальонов 4-го полка Рейнской Конфедерации и одного батальона 113-го линейного полка майора Казанова [8, 323], но без вольтижерской и гренадерской рот [12, Т.4, 387]. Одновременно в Вильно прибыла бригада неаполитанской гвардейской кавалерии генерала Ф. Пепе [8, 321]. Вместе с ними в Вильно находился Вюртембергский маршевый полк майора Бернаи [33, 155-156]. Всего в Вильно прибыло 108 офицеров, 4229 человек [24, 58].

Прибывшие в Вильно части оказались объектом неумолимой деятельности Маре¹. Поскольку с 23-го ноября между Вильно и главной квартирой Наполеона было прервано сообщение, то в Молодечно, где большая дорога сворачивала на Минск, скопилось более 20 эстафет, направленных из Парижа Наполеону. Для их охраны, сопровождения транспортов и организации продовольственных магазинов между Вильно и Молодечно был отправлен полковник д'Альбиньяк с 3 500 человек, в том числе и Вюртембергский маршевый полк [17, 453, 458]. 3 декабря Маре предписал д'Альбиньяку не только заготовить промежуточные склады, но взять их под охрану из числа приданных ему войск.

4-го декабря 1812 года 3-й и 4-й полки Рейнской Конфедерации и неаполитанская гвардейская кавалерия по приказу Маре выступили из Вильно навстречу Великой Армии с целью составить ее арьергард. 5-го декабря указанные части прибыли в Ошмяны [26, 145]. В 10 часов вечера 5-го декабря в Ошмяны прибыл Наполеон, покинувший накануне армию [28, 241]. После короткой остановки Наполеон забирает с собой в Вильно неаполитанскую гвардейскую кавалерию и батальон 113-го линейного полка, без одной роты капитана Червини, находившейся на дороге на Минск [8, 322-323].

Вместе с тем Наполеон приказал Вюртембергскому маршевому полку сопровождать в Вильно канцелярию императорской главной квартиры [33, 156].

6-го декабря, в день, когда 3-й и 4-й полки Рейнской Конфедерации дневали в Ошмянах, оставшиеся части 34-ой дивизии располагались следующим образом: два батальона 3-го и 105-го линейных полков в пути из Эрфурта к Кюстрину, причем одна рота 3-го полка оставалась в Эрфурте [24, 146-147, 153], 1-й и 2-й батальоны 29-го линейного полка в Ковно [24, 77], 2-й батальон 6-го полка Рейнской Конфедерации вместе с маршевым пополнением 4-го полка Рейнской Конфедерации (180 человек) в Ковно [там же], 1-й батальон 6-го полка Рейнской Конфедерации в Жижиморах и Риконтах [36, 41-42], 1-й батальон 5-го полка Рейнской Конфедерации в Вильно [32, 12], 2-й батальон 5-го полка Рейнской Конфедерации в Ковно [31, 172]. Четыре недостающих батальона 3, 105 и 29-го линейных полков находились в Испании и Франции в состоянии, не предполагающем не только их использование на поле боя, но и простое передислоцирование.

Таким образом, в Ошмянах днем 6-го декабря 1812 года, пропуская через себя остатки Великой Армии, из всей 34-й дивизии находились только 3-й и 4-й полки Рейнской Конфедерации под командованием генерала Гратьена. Что же касается их численности, то необходимо предварительно заметить, что в исторической литературе отсутствует представление о естественной и маршевой убыли войск, почему для объяснения потерь многим историкам требуются "наглядные" причины исчезновения войск в виде морозов. Между тем, маршевая убыль войск являлась в то время главной и трудноразрешимой проблемой любой военной администрации, особенно же при отсутствии подготовленных резервов. Это был бич армий той эпохи.

3-й полк Рейнской Конфедерации полковника Эглофштейна (маленьких саксонских княжеств: Веймар, Гота, Майнинген, Кобург, Хильдбургхаузен) в составе трех батальонов имел штатную численность 2 800 человек [26, 130]. Примерно в этом числе полк выступил 20 февраля из Готы в Гамбург. 9 мар-та 1812 года в Гамбург прибыли 2 555 человек [26, 132]. В течение лета полк теряет больными в Гамбурге, Штральзунде и Штеттине 400 человек [26,

¹Г. Маре, министр внешних сношений Франции, во время русского похода находился с дипломатическим корпусом в Вильно и являлся связующим звеном между императорской главной квартирой и остальной Европой. Он координировал деятельность французской администрации в Польше, Пруссии и Литве, а также контролировал мобилизационную деятельность польского и литовского правительств. Через него велась переписка с союзными дворами, а также с командованием отдаленных частей и соединений Великой Армии.

142]. В Кенигсберге полк оставляет 110 человек нестроевых. 400 человек больных оставлены в Тильзите [24, 58]. В Ковно оставлены 30 музыкантов [26, 143]. 120 человек оставлены по дороге из Тильзита до Вильно [26, 142]. В Вильно за две недели пребывания полк оставил 620 человек больных и истощенных [24, 58]. Из Вильно полк выступил в составе 1033 человека [там же]. По прибытии в Ошмяны полк потерял 50 человек ранеными в стычке с Сеславиным [26, 145]. Выйдя из Ошмян в 2 часа ночи 7-го декабря и прибыв вечером 7-го декабря обратно в Вильно, полк вечером 8 декабря 1812 года насчитывал 939 человек в строю [30, 231].

4-й полк Рейнской Конфедерации полковника Годарама (Великого герцогства Франкфуртского) в составе двух батальонов имел штатную численность 2 214 человек. За исключением трех рот, находившихся в Испании, в поход 16 февраля 1812 года из Франкфурта выступили 1 710 человек [25, 77]. В Вильно, прибыв 22 ноября 1812 года, полк насчитывал 1 300 человек [25, 80]. Оставив больных и истощенных в Вильно, полк вместе с 3-м полком Рейнской Конфедерации выступил 4 декабря и прибыл в Ошмяны 5 декабря 1812 года.

Неизвестно точное число состоявших налицо людей во Франкфуртском полку при его выходе из Вильно 4 декабря. Сам полковник Годарам впоследствии заявлял, что ему было неизвестно количество больных и истощенных, оставленных полком в Вильно до 4 декабря [25, 84]. Однако, рассказывая о своем переходе из Тильзита в Вильно, полковник Годарам 3-го января 1813 года в Кенигсберге писал: "...говоря о переходе Франкфуртского контингента в Вильно, я пережил самые тяжелые дни в моей жизни. При переходах к Вильно усталость и холод сгубили множество людей и 11 обозных лошадей; плохое расквартирование, недостаток провианта, пайки, уменьшенные наполовину, все больше ослабляли тех, кто оставался [в строю]; к тому же число больных увеличивалось каждый день, но не могло быть и речи об устройстве их в госпиталях" [25, 83]. Расквартирование в Ковно проходящих на помощь Великой Армии войск выглядело, например, следующим образом: "Так как в монастыре не было ни дверей, ни окон, то наше пребывание в нем при сильной непогоде было в высшей степени печальным. Оконные проемы были, насколько возможно, заткнуты соломой, были принесены дрова и в кельях разожжен костер, вокруг которого вместе расположились на привал офицеры и солдаты, чтобы обогреться в лютой холод; об отдельных лучших квартирах для офицеров при таких обстоятельствах нельзя было и думать.

Все остальные монастыри в городе были оборудованы под лазареты, и были так заполнены ранеными и больными, что не хватало места, чтобы принять новых. По причине нехватки медикаментов, врачебной помощи, надлежащего ухода и, особенно, нехватки дров, в этих лазаретах умирало чрезвычайно большое число людей, и ужасным было зрелище, когда я однажды вышел из своего бивуака - так как по-другому я не могу назвать нашу теперешнюю квартиру - в город и увидел перед воротами лазарета обоз, нагруженный обнаженными покойниками, которых вывозили из города окоченевшими и застывшими, и бросали через проруби в Неман" [36, 38-39].

Тяжелый переход и неудовлетворительное медицинское обслуживание увеличивало не только число истощенных, но и количество самых разнообразных болезней, косивших прибывшие в Вильно "свежие" войска. "Из нескольких тысяч больных по меньшей мере половина страдали от кровавой дизентерии и желчных коликов, столько же от диареи, а другие от случаев гастро- и катаральных заболеваний; при постоянном напряжении и недостатке здорового питания у многих молодых солдат развивались цинга, воспаление легких и [другие] подобные болезни. К этому прибавилось еще и то, что к этим больным добавлялось определенное число раненых, особенно баварцы, и некоторые из этих больничных залов были переполнены, из-за чего уже теперь развивались признаки последующих эпидемий - дизентерии и тифа" [30, 127].

Обоснованно предположить, что потери Франкфуртского полка больными и истощенными, оставленными в госпиталях Вильно, пропорциональны таким же потерям Герцогского полка. В этом случае они составили 470 человек и, соответственно, число вышедших из Вильно 4 декабря 1812 года во Франкфуртском полку составило 830 человек. Эта цифра весьма

близка к действительности, поскольку 8 декабря 1812 года в Вильно, после возвращения Франкфуртского полка из Ошмян, он насчитывал 800 человек [25, 80].

Вообще, что касается не только "гибели" 34-ой дивизии в период пребывания в Ошмянах, но и ужасающих сцен гиппофагии и каннибализма в отступавших французских войсках, так живописно разрисованных некоторыми французскими писателями именно в этом промежутке пути, то необходимо заметить, что французские авторы смакуют ужасающие подробности и распространяют небылицы лишь для того, чтобы выжать сочувствие своих читателей.

Доктор Гейслер, делавший поход в составе Герцогского полка, предупреждает своих читателей: "Конечно, тогда не было недостатка в материале для грустных, трогających до глубины души описаний, но я остался в стороне от преувеличенно ужасающих, исторически неверных рассказов и описаний, каковые часто встречаются в сочинениях Кер-Портера и Сегюра. Первый представляет Великую Армию, изрубленную казаками, а по представлению второго не исключен даже каннибализм. Мы провели в названном месте, где Сеславин всего на несколько часов разминутся с Наполеоном - городке Ошмяны, а не Жупраны, как ошибочно утверждает Сегюр - несколько дней при подобных обстоятельствах, но таких ужасов, хотя многие дома в самом городке и вокруг него горели, не видели и не слышали; кроме того, все пути были вновь открыты, а впоследствии холод и нужда не были такими большими" [30, V-VI]. Шаурот же мимоходом замечает, что 6 декабря в Ошмянах "имел счастье найти еще пару свиней, которых мы скорее замучили, нежели убили, при помощи штыков" [35, 197].

"Все же русские могли бы легко пленить тех, кто передвигался только днем, но не могли сделать этого, и позволяли им держаться организованным войском и следовали за ними, сами страдая от холода, медленно и осторожно.

Так, маршал Виктор со своим арьегардом 5 декабря до полудня вошел в Сморгони в императорскую главную квартиру, где еще располагались несколько тысяч [человек] гвардии и в таком же количестве остатки остальных корпусов. В его войсках было распределено 10 000 пайков сухарей, почти столько же водки и мяса. Столько же получили командуемые Неем 2-й и 3-й корпуса, т. к. находившемуся в Молодечно полковнику д'Альбиньяку было приказано так снабдить склады в Сморгони и Ошмянах продовольствием, чтобы армия, приписанная к этим пунктам, смогла бы снабжать себя сама.

Теперь для Сморгоней, кроме уже распределенных, были изысканы еще 60 000 пайков сухарей, которые с таким же количеством мяса и водки были распределены в гвардии и 1-м и 4-м корпусам; далее имелись в запасе 35 000 порций муки, а губернатор Литвы приказал графу Креповичу велеть испечь из нее большое количество хлеба...

Но рядовому составу в Ошмянах все же не было недостатка в продовольствии, поскольку живущие здесь многочисленные евреи должны были в этом отношении предоставить выход. Многие бегающие здесь животные, особенно свиньи, были пойманы и забиты; хлеб, картофель и водка должны были здесь иметься, и в этом отношении дивизия Луазона здесь вообще не страдала от нужды, причем главная битва у всех была не против неприятеля, и еще меньше против лишений, а только с ужасным холодом северной зимы" [30, 213-214].

Итак, 4 декабря 1812 года из Вильно в Ошмяны, навстречу отступавшей французской армии, вышло 1 860 человек из состава 34-й дивизии и вернулось из Ошмян в Вильно 7 декабря 1812 года 1740 человек. Потери дивизии в этом переходе составили 120 человек, в т. ч. 50 раненых. Среди этих потерь мы не можем установить достоверно ни одного человека, погибшего от холода.

Все вышесказанное позволяет утверждать, что 34-я дивизия генерала Луазона не совершила марша с 4 по 7 декабря 1812 года из Вильно в Ошмяны и обратно, как об этом сообщают французские мемуаристы и, соответственно, вопреки их утверждениям, не могла и погибнуть от холода в указанный период и в указанном месте. Сведения, сообщаемые французскими авторами, являются фальсификацией. Однако, единодушные, высказанное ими в этом эпизоде, говорит о том, что он не является их собственной выдумкой, а имеет для них всех один общий источник.

Выявление же этого источника раскрывает механизм работы участников похода над сво-

ими "мемуарами", а так же способы работы историков над составлением "описаний" похода в Россию. Кроме того, его установление позволяет выявить политическое влияние в самый драматический момент этой борьбы. Влияния, которое оказало воздействие на современное войне европейское общество.

В свое время А.Г. Тартаковский и Ю.М. Лотман раскрыли работу походной типографии, состоявшей при главнокомандующем русской армии, а так-же ее деятельность по агитации и пропаганде среди войск и населения про-тивника [3, 173-177; 4, 215-232; 7, 232-254; 6, 300-313; 5]. Изучая фактическую сторону деятельности походной типографии и участие в ее работе М.И. Кутузова, Тартаковский и Лотман преследовали, прежде всего, изучение воспитательно-патриотического и культурно-просветительского направлений в ее деятельности. Проработав огромную документальную базу деятельности походной типографии, тем не менее, в своих работах они не привели конкретных примеров политико-идеологического влияния на европейское общество.

Однако, Тартаковский, предвидя чрезвычайную важность этой темы, в свое время предсказывал, что введение этих материалов "в научный оборот позволит пересмотреть некоторые положения, установившиеся в исторической науке" [2, 13]. Кажется, что и сам Тартаковский едва ли полностью сознавал, насколько дальновидно было его суждение. В случае же с 34-й дивизией появляется редкая возможность выяснить не только механизмы формирования "памяти" мемуаристов, но и неопровержимо установить факт прямого политико-идеологического воздействия русского командования на просвещенные европейский умы.

Среди множества заново описанных и изученных изданий походной типографии внимание Тартаковского привлекла "листовка-памфлет" "Отступление французов" на немецком языке [7, 109-114; 5, 232-254; 2, 109-114]. Справедливо оценивая влияние этой брошюры на общественное мнение в Европе, Тартаковский, тем не менее, был далек от конкретно-исторического влияния ее в литературно-идеологической области, в том числе и историографической. Но именно Тартаковский впервые выявил наиболее полный комплект переизданий этой брошюры и атрибутировал ее, то есть проделал основную работу при описании данного источника и верно определил уникальное положение этого документа среди других изданий 1812-1813 г.г. В данном случае мы пытаемся лишь дополнить труды Тартаковского, указывая на один из случаев "пересмотра некоторых положений в исторической науке", столь верно им предсказанных, касающегося идеологического и историографического развития истории Отечественной войны.

Памфлет "Отступление французов" был написан майором Э. Пфулем (Гилсдорфом), состоящем при М.И. Кутузове, не позднее 22 декабря 1812 года, и впервые напечатан 24 декабря в походной типографии. Влияние этого памфлета и его популярность отразились в беспрецедентном количестве последовавших вслед за ним переизданий, перепечаток и переводов в конце 1812 - середине 1813 годов, известных на сегодняшний день не менее 37 [1, 113-116]. Именно в этой брошюре на немецком языке мы читаем: "Прибывшая в Вильну из Кенигсберга дивизия генерала Луазона, состоящая из 10 тысяч человек, большую частью немцев, пошла навстречу армии до города Ошмян, лежащего верстах 50 от Вильны, для прикрытия отступления оной. В четыре дни дивизия сия, не бывшая в сражении, маршами и бивуаками уменьшена была до 3 тысяч человек..." [34, 30; 2, 108].

Написано это было в Вильно в то время, когда бежавшая Великая Армия во главе с Неаполитанским королем не добралась еще и до Кенигсберга, где впервые была произведена ее инвентаризация.

В самой французской армии в это время были прямо противоположного мнения. Бертье было известно, что дивизия Луазона из Ковно в Вильно вышла в составе лишь 3 тысяч человек [13, 232], что и является соответствующим действительности, а впоследствии, уже при отступлении в Кенигсберг, части дивизии просто разбежались, следуя примеру остатков французской армии. Бертье жаловался Наполеону 23 декабря 1812 года "То, как разбежалась дивизия Луазона, насчитывавшая более 12 000 человек, совершенно непостижимо" [14, 200].

Очевидно, что в первоначальной французской историографии сразу была принята рус-

ская версии, очень удобная для объяснения причин постигшей французскую армию катастрофы. В этом случае памфлет сыграл роль поставщика перикоп для всей последующей историографии, где перекочевывание этого отрывка приобрело самостоятельность и исключительную правдоподобность. Поскольку же версия гибели 34-ой дивизии вымышлена русским командованием, нам открывается по-новому видение М. И. Кутузовым перспектив войны.

Целью Кутузова, выпускавшего в свет брошюру, было не столько утвердить собственное видение прошедшего похода, как, в общем-то, отчасти справедливо полагает Тартаковский [5, 159], сколько убедить немецкого читателя в уничтожении наполеоновской армии, а вместе с ней и наполеоновской системы в Европе, что должно было повлечь за собой беспрепятственный выход германских государств, и прежде всего Пруссии, из антирусской коалиции. Кутузов в данном случае преследовал в том числе и цель бескровного отвоеваия немецкого театра военных действий и сдвига центра тяжести будущей войны за Эльбу. Собственно говоря, этой брошюрой Кутузов начинал весеннюю кампанию 1813 года, в противоположность широко распространенному теперь мнению, будто бы Кутузов был то ли противником продолжения войны, то ли лишь вялым исполнителем воли Александра. Ведь именно политическая готовность к весенней кампании являлась для Кутузова на этот момент главной заботой.

Литература

1. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель. Вып. IV. Отечественная война 1812 г. Участие России в кампаниях 1813 - 1814 гг. СПб., 1993.
2. Листовки Отечественной войны 1812 года: Сб. документов // Отв. ред. Л.Г. Бескровный. М., 1962.
3. Лотман Ю.М. Андрей Сергеевич Кайсаров и литературно-общественная борьба его времени // Уч. зап. Тарт. гос. ун-та. Тарту, 1958. Вып. 63.
4. Лотман Ю.М. Походная типография Кутузова и ее деятельность //1812 год: к 150-летию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962.
5. Тартаковский А.Г. Военная публицистика 1812 г. М., 1967.
6. Тартаковский А.Г. Заметки о военной пропаганде 1812 г. // Вопросы военной истории России: XVIII - первая половина XIX вв. М., 1969.
7. Тартаковский А.Г. Из истории русской военной публицистики 1812 г. // 1812 год: к 150-летию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962.
8. Capello G. Gli Italiani in Russia nel 1812. Castello, 1812.
9. Breton de la Martiniere J.B.J. Campagne de Buonaparte en 1812, 1813 et 1814, jusqu'a son abdication, d'apres les bulletins officiels des allies et des Francais. Traduit de l'alle. Paris, 1814.
10. Chuquet A. Ordres et apostilles de Napoleon I^{er}. (1799-1815).T.1. Paris, 1910.
11. Chuquet A. Ordres et apostilles de Napoleon I^{er}. (1799-1815).T.2. Paris, 1911.
12. Chuquet A. Ordres et apostilles de Napoleon I^{er}. (1799-1815).T.4. Paris, 1912.
13. Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. Paris, 1912.
14. Chuquet A. 1812. La guerre de Russie. Notes et documents. 3^{eme} serie. Paris, 1912.
15. [Chambray G. de.] Histoire de l'expedition de Russie. T. 2. Paris, 1823.
16. Correspondance de Napoleon I^{er}. T. XXIV. Paris, 1868.
17. Ernouf A.A. Maret duc de Bassano. Paris, 1878.
18. Fieffe E. Histoire des troupes etrangeres au service de France depuis leur origine jusqu'a nos jour et tout les regiments levis dans les pays conquis sous la premier Republique et l'Empire. Pt. 2. Paris, 1854.
19. [Guillaume de Vaudencourt F.] Memoires pour servir a l'histoire de la guerre entre France et la Russie, en 1812. T. 1. Londres, 1815.
20. Labaume E. Relation circonstanciee de la campagne de Russie. Paris, 1814.
21. Larrey D.J. Memoires de chirurgie militaires. T. IV. Paris, 1817.
22. Noel J.N.A. Sovenirs militaires d'un officier du Premier Empire (1795-1832). Paris ; Nancy, 1895.
23. Rapp J. Memoires. 2^{eme} ed. Paris, 1823.
24. Reboul F. Campagne de 1813. Les preliminaires. T. 1. Paris, 1910.
25. Sauzey J. C. Les Allemands sous les Aigles Francaises. Essai sur les Troupes de la Confederation du Rhin. 1806-1813. T.I. Le Regiment de Francfort. Paris, 1902.

26. Sauzey J. C. Les Allemands sous les Aigles Francaises. Essai sur les Troupes de la Confederation du Rhin. 1806-1813. T. IV. Le Regiment des Duches de Saxe. Paris, 1908.
27. Segur Ph. P. de. Histoire de Napoleon et de la Grande Armee pendant l'annee 1812. 2^{eme} ed. T. 2. Paris, Brusselle, 1825.
28. Schuermans A. Itineraire general de Napoleon I^{er}. Paris, 1908
29. Voelderndorf E. Observation sur l'ouvrage de Mr. Le Comte Ph. de Segur, intitule: histoire de la Grande Armee pendant l'annee 1812. Munic, 1826.
30. Geissler C. Geschichte des Regiments Herzoge zu Sachsen unter Napoleon mit der Grossen Armee im russischen Feldzuge 1812. Eisenach, 1840.
31. Holzhausen P. Die Deutschen in Russland 1812. Berlin, 1912.
32. Hundert K. Das Batallon Anhalt in Russland 1812. Zerbst,[1903].
33. Pfister A. Aus dem Lager des Rheinbundes 1812 bis 1813. Stuttgart; Leipzig, 1897.
34. [Pfuel E. von]. Ruckzug der Franzosen. S.l., s.a.
35. Schauroth W. Von. In Rheinbund-Regiment der herzoglich sachsichen Kontingente Ko-burg-Hildburghausen-Gotha-Weimar wahrend der Feldzuge im Tirol, Spanien und Russland 1809-1813. Berlin, 1905.
36. Soden F. von. Beitrage zum Geschichte des Krieges in den Jahren 1812 und 1813, besonders in Bezug des 6-ten Regiments des damahligen Fursten-Division des Rheinbundes. Arnstadt, 1821.